

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.12>

Даулетукаева Камила Дундовна

Место проблематики и художественных принципов поэмы Нурдина Музаева "Сурхо, сын Ады" в эволюции жанра в чеченской литературе

Целью работы являются анализ проблематики, структуры и поэтики лиро-эпического творчества Нурдина Музаева на материале его поэмы "Сурхо, сын Ады", осмысление роли и места данного текста в эволюции жанра в чеченской литературе XX века. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые выявлены особенности фольклорной и литературной интертекстуальности анализируемого произведения в контексте его сюжетно-композиционной организации, системы образов героев, отражения специфики этно-ментального сознания и его мифопоэтического оформления. Определены особенности конфликтов и характеров, отмечены динамизм действия, мастерство автора в разработке художественных деталей и образов, системы изобразительно-выразительных средств. Выявлены признаки воздействия лирического компонента поэмы на специфику ее содержания, поэтики и структуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 65-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов Российской Федерации

The Russian Federation Peoples' Literature

УДК 821.351.42

Дата поступления рукописи: 20.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.12>

Целью работы являются анализ проблематики, структуры и поэтики лиро-эпического творчества Нурдина Музаева на материале его поэмы «Сурхо, сын Ады», осмысление роли и места данного текста в эволюции жанра в чеченской литературе XX века. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые выявлены особенности фольклорной и литературной интертекстуальности анализируемого произведения в контексте его сюжетно-композиционной организации, системы образов героев, отражения специфики этно-ментального сознания и его мифопоэтического оформления. Определены особенности конфликтов и характеров, отмечены динамизм действия, мастерство автора в разработке художественных деталей и образов, системы изобразительно-выразительных средств. Выявлены признаки воздействия лирического компонента поэмы на специфику ее содержания, поэтики и структуры.

Ключевые слова и фразы: лирика; эпос; драматургия; аллюзии и реминисценции; интертекст; лирический подтекст; чеченский средневековый народный эпос; поэма; эволюция жанра; Н. Музаев.

Даулетукаева Камила Дундовна

*Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
kamila.dauletukaeva@mail.ru*

Место проблематики и художественных принципов поэмы Нурдина Музаева «Сурхо, сын Ады» в эволюции жанра в чеченской литературе

Актуальность исследования творческого наследия Нурдина Музаева (1913-1983) определяется его важной ролью в эволюции жанра поэмы в чеченской литературе XX века, глубиной художественного осмысления исторического процесса, интересом к системе философских, духовно-нравственных, эстетических ценностей своего этноса. Незаурядное литературно-художественное и научно-теоретическое наследие Нурдина Музаева, к сожалению, пока недостаточно осмыслено литературоведением и критикой, как и многие другие стороны национальной духовной и художественной культуры.

Вместе с тем на протяжении последнего полувека в чеченском национальном литературоведении и фольклористике был накоплен значительный опыт многоаспектного исследования проблематики, сопредельной и с проблематикой данной статьи. В частности, основные положения этих работ связаны с вопросами теории и истории лиро-эпической народной [1-3; 10] и профессиональной литературной поэмы, их взаимодействия [6; 7], с текстуальным анализом творческой индивидуальности ряда чеченских поэтов XX века, принадлежащих к различным типам творчества и различным литературным поколениям.

Несмотря на то, что появление большинства произведений Нурдина Музаева вызывало положительную реакцию в форме отзывов и рецензий в республиканской и центральной периодике на чеченском и русском языках по мере выхода его публикаций в свет, работы обобщающего характера (за редким исключением [12]) практически отсутствуют. Исходя из указанных выше фактов и обстоятельств, необходимо отметить значительную потребность и одновременно актуальность осмысления основных тенденций и закономерностей развития жанра поэмы в наследии Н. Музаева.

Несмотря на то, что в современный период о Нурдине Музаеве писал Адиз Кусаев в сводном труде «Писатели Чечни» [4, с. 120], а в рамках состоявшихся в 2018 году в Чеченской Республике мероприятий, приуроченных к его 105-летию, вновь активизировалось читательское и исследовательское внимание к творчеству поэта и ученого, *научная новизна* нашего исследования объясняется необходимостью изучения проблематики и художественных принципов произведения «Сурхо, сын Ады» Нурдина Музаева в общем контексте жанра поэмы в чеченской литературе.

Методологической основой нашего исследования явились принципы историко-генетического, историко-культурного, типологического, интертекстуального методов, а также метод целостного анализа художественного текста и рецептивной поэтики.

Цель работы – посредством очерченной выше методологии провести комплексный анализ проблематики и художественных принципов поэмы Нурдина Музаева «Сурхо, сын Ады» и определить ее место в эволюции этого жанра в чеченской литературе. *Задачи* исследования определяются необходимостью:

- рассмотреть биографию писателя, историю его личности и творчества;
- оценить основные векторы его разносторонней деятельности;
- охарактеризовать специфику типологии, поэтики, жанра и проблематики поэмы Н. Музаева «Сурхо, сын Ады»;
- выявить и изучить динамику развития сюжета и структуру поэмы Н. Музаева «Сурхо, сын Ады», наличие в ней литературных и фольклорных интертекстуальных связей.

Исследование главных признаков и закономерностей чеченской поэмы на материале конкретного анализа одного из выдающихся произведений этого жанра будет способствовать выработке общеметодологических подходов к анализу основных тенденций и закономерностей её концептуального исследования как в национальной фундаментальной литературной науке, так и в вузовском изучении и художественной практике, в частности, в курсах литературы народов Российской Федерации, литературы народов Северного Кавказа, истории чеченской литературы в вузах, для подготовки спецкурсов, спецсеминаров по аналогичной проблематике и вопросам кросскультурных связей.

Можно утверждать, что весь корпус художественных произведений Нурдина Музаева, его творческий опыт весьма актуальны как в области их содержания, так и в плане художественно-эстетических исканий. Еще более полувека назад исследователи высоко оценивали его лиро-эпические произведения: «По-разному отражена в них действительность... Его поэмы “Сказание о Чечне”, “Горячие сердца”, “Сурхо, сын Ады” воссоздают путь народа... Повествование в поэмах максимально приближено к реальным историческим событиям, лицам. Этим обусловлен и выбор автором их сюжетно-эпической основы, композиционного построения. В поэме “Сказание о Чечне” в соответствии с принципами историзма были воссозданы образы революционных деятелей: Ноя Буачидзе, Серго Орджоникидзе, Асланбека Шерипова» [12, с. 130].

По мнению А. У. Мальсагова и Х. В. Туркаева, «его поэмы историко-революционной тематики – важная веха на творческом пути Н. Музаева. Вместе с тем он известен в нашей литературе как один из активнейших писателей, художественно осваивающих современность» [5, с. 14]. Критики обращают внимание и на актуальность проблематики его поэмы «Шаг в завтра», в которой «внимание автора привлекают морально-нравственные перемены, происшедшие в сознании народа» [Там же, с. 130] на рубеже 1960-х годов.

Вместе с тем отсутствует система комплексного изучения наследия писателя, в связи с чем данная работа имеет все признаки научной концептуальности и новизны. Творческие искания Нурдина Музаева в жанрах прозы (повесть «Замза», романы «Марш смелых», «В долине Аргуна») и драматургии (комедия «Усач Мирза», драмы «Самые дорогие», «Верить человеку», «Асет» (1961), «Светлый путь» (1961)) дополняет и лиро-эпический вектор, вызвавший к жизни его замечательные произведения в жанре поэмы. Эта линия творчества углубляет проблематику произведений Нурдина Музаева, обогащает его эмоциональную, эстетическую, образную сферы.

Нурдин Музаев относится к первому поколению новой чеченской интеллигенции XX века, которое вслед за чеченскими просветителями начала столетия – Т. Эльдархановым, братьями Мутушевыми, И. Б. Саракеевым, братьями Шериповыми – впервые в массовом объеме получило хорошее образование благодаря созданию национальной письменности на родном языке, системы непрерывного образования от сельской школы до аспирантуры и защиты кандидатской диссертации. Н. Музаев после рабфака в Грозном (1929-1933) получил образование на комсомольском отделении Всесоюзного Коммунистического института журналистики им. «Правды», с 1935 по 1937 год учился на сценарно-драматургическом факультете киноакадемии в Москве. В возрасте 20 лет был делегатом первого учредительного съезда Союза писателей СССР. Член Союза писателей СССР с момента его основания.

Но «главным университетом» Нурдина Музаева стала «школа» жизни. С 1937 по 1941 год он работал в чечено-ингушской республиканской газете «Ленинец». «В конце 1941 года ушёл на фронт. Был членом политотдела 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, комиссар пулемётного эскадрона. Участвовал в Сталинградской битве. Был награждён орденами и медалями. Тема мужества, подвига, интернационального долга, ведущая для поэзии этого периода, нашла отражение и в творчестве Нурдина Музаева. В 1943-1944 годах он был начальником управления кинофикации Чечено-Ингушской АССР» [4, с. 54].

Во время депортации чеченского народа (1944-1957 гг.) Н. Музаев был учителем, сотрудником редакций радио и периодической печати в Казахстане (газета «Знамя труда» (Алма-Ата)), руководил отделом чечено-ингушской художественной литературы при Казахском книжном издательстве. Получил диплом филологического факультета Фрунзенского (ныне Бишкек) пединститута (Киргизская ССР).

Литературная деятельность Нурдина Музаева интенсивно развивается с середины 1950-х годов, после возвращения чеченского народа из депортации, по нескольким направлениям: лирика, эпос, драматургия. Одновременно с 1957 года он работает старшим редактором Чечено-Ингушского книжного издательства, литературным консультантом правления Союза писателей Чечено-Ингушской АССР, преподавателем родного языка и литературы Чечено-Ингушского пединститута и Чечено-Ингушского госуниверситета. С 1966 года Н. Музаев – преподаватель и куратор Чечено-Ингушской студии ГИТИСа (Государственного института

театрального искусства). В 1966 году он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Чеченская литература на путях социалистического реализма».

Непосредственно литературно-художественная деятельность Н. Музаева занимает более полувека. В далеком 1931 году вышла его первая поэма «Хараби», в 1932 – пьеса «Утро и вечер», а в 1933 – сборник стихотворений «На верном пути». Уже в первой поэме заметно сильное влияние национального фольклора, поскольку он был органичной базой и профессиональной литературы Чечни, и всей ее художественной культуры. В последующем фольклорный интертекст получает в поэмах Н. Музаева все более сильное воплощение как на уровне сюжетов и персонажей, так и в контексте отражения ментального сознания, его мифопоэтической составляющей (поэма «Сурхо, сын Ады»).

Нурдин Музаев в своих произведениях никогда не занимался всего лишь простым «рифмованием», внешней литературной обработкой традиционных народных преданий, сюжетов, мотивов, образов. Он глубоко осмысливал и анализировал содержащуюся в фольклорных источниках социально-политическую, духовно-психологическую информацию. В его интерпретации материал устной словесности переплавлялся в художественную ткань абсолютно иного самобытного произведения, обладающего особым замыслом, образной системой, структурой, включенного в современный литературный процесс.

Тексты Нурдина Музаева переводили на русский язык такие выдающиеся советские поэты, как А. Кронгауз, А. Тарковский, С. Липкин, М. Шехтер, Д. Голубков, З. Миркина, С. Поделков, И. Трунов, А. Ойслендер, В. Щепотев. Сам Н. Музаев переводил на чеченский язык тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского, В. Шекспира («Отелло», «Гамлет»), поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Все лиро-эпическое творчество Нурдина Музаева можно оценивать как целостный подвижный идейно-художественный комплекс в его живом, динамическом становлении и развитии. Помимо больших поэм Н. Музаева на русский язык переведены еще несколько средних по своему объему лиро-эпических произведений писателя, содержание и форма которых в большей степени соответствуют жанру баллады.

Типологию поэм Нурдина Музаева можно охарактеризовать по следующим трем направлениям: первый тип – глубоко ориентированный на фольклор и традиционную родную культуру (поэма «Сурхо, сын Ады»); второй тип посвящен художественному отражению и осмыслению конкретных событий реальной истории (поэма «Горячие сердца»); третий тип – психологический «срез» духовно-нравственных процессов современности (поэма «Золотая моя»). Художественная проблематика жанра лиро-эпических баллад Нурдина Музаева, примыкающих к его поэмам, еще более разнообразна, одновременно она характерна для балладного жанра в целом. Это темы исторического прошлого, мотивы природы и родины, этнической ментальности, получающие зачастую лирико-автобиографическое либо романтическое осмысление.

Одна из центральных поэм Н. Музаева посвящена популярному в народном сознании и национальной профессиональной литературе и искусстве сюжету и персонажу фольклора. Легенда о Сурхо, сыне Ады (входящая в состав героико-эпической песни «Князь Мусост и Сурхо, сын Ады»), многократно воссоздана в чеченской литературе – в эпической и лирической поэзии, прозе и драматургии, она стала импульсом для множества интертекстуальных, кросскультурных связей. Героико-романтическая история Сурхо – один из ключевых образов народной лиро-эпической поэзии, а сам его типаж особенно ярко отражает все грани этнокультурного кода вайнахов. Помимо всего, Сурхо – это наиболее любимый народом и востребованный в литературе как форме отражения общественного сознания персонаж, носитель лучших качеств национального народного характера.

Аллюзии и реминисценции к этому образу и сюжету очевидны еще в поэме Магомед Мамакаева «Кровавые горы» (1928), затем – в деятельности одного из первых чеченских режиссеров Гаруна Батукаева, поставившего в годы Великой Отечественной войны инсценировку этого сюжета героического эпоса, созданную поэтом Магомедом Гадаевым накануне войны. Спектакль по драме М. Гадаева в постановке Г. Батукаева «Адин Сурхо» был созвучен духу времени. В роман Абузара Айдамирова «Молния в горах» включен большой пласт стихотворных и прозаических фрагментов этой народной эпической поэмы, вложенный в уста слепого сказителя Хамзата, сочетающийся с авторским комментарием к аллюзиям и реминисценциям из национального фольклора.

Знакомство с поэмой Нурдина Музаева «Сурхо, сын Ады» дает возможность выдвинуть гипотезу о связи этого произведения чеченской литературы и с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», над переводом которой он работал много лет. Сходство проявляется в том, что эти два лиро-эпических произведения имеют одинаковую стихотворную форму, историческую сюжетную основу. Несмотря на то, что основным пафосом поэмы Ш. Руставели было утверждение идеи преданности вассалов, верных своему феодальному долгу, а в поэме Н. Музаева, наоборот, утверждается идея независимости от феодального рабства, в обоих произведениях объединяющими факторами оказываются дух чести, мужество, патриотизм, стойкость, верность, бескорыстие, уважение к старшим, то есть духовно-нравственные ценности, сосредоточенные и в этическом кодексе чеченцев «Нохчалла».

По нашему мнению, в этом произведении Нурдина Музаева ярко выразился его потенциал и как ученого-литературоведа. Здесь очевидно не только взаимодействие с литературными традициями Востока, но и связь с английским и французским романтизмом, в нем отражены разные виды фольклорно-литературных связей: в большей степени – тонкая стилизация, аллюзии, реминисценции.

Содержательная структура поэмы «Сурхо, сын Ады» отличается сложностью и разнообразием своего построения, что обусловлено, прежде всего, сочетанием, пересечением ее эпического и лирического начал, когда сюжетное действие развивается то поступательно и по-эпически равномерно, последовательно, постепенно,

то, наоборот, по-лирически стихийно, сбивчиво, с большой долей «эмоциональной пульсации». Лирическая составляющая реализуется в напряженных лирико-психологических отступлениях, обращенных к воссозданию бытия души, взволнованного биения сердец героев, их сложного внутреннего мира.

Поэма Н. Музаева «Сурхо, сын Ады» включает в себя несколько сюжетных линий, в ней соединены остро-приключенческий и собственно героико-романтический (с элементами историзма) сюжеты с массивными включениями непосредственно лирической проблематики. Поэме свойственны фрагментарность, «недоговоренность», открытость финалов составляющих ее разделов, что также относится к области лирической формы. Повышенная экспрессия, заявленная поэтом изначально в произведении, будет иметь место на всем его протяжении. Одновременно в тексте присутствуют и другие типы стилистики и тональности, например, обусловленные философией природы, связанной с пантеистическим осмыслением вселенной.

Детали хронотопа мастерски и выразительно используются в произведении. Разнообразие авторских приемов приводит к неповторимости образов поэмы. Действие в тексте зачастую движется параллельно по нескольким сюжетным линиям, создавая объемное и многомерное освещение реальности. Многое в поэме построено на контрасте, остром конфликте между мирными крестьянами, мудрым и справедливым старцем Адой и своевольным и алчным князем.

Воспроизведение автором этого конфликта вызывает у читателя закономерные ассоциации и параллели с примерами из мировой классики, посвященными народному гневу, в таких произведениях, как драмы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна», Ф. Шиллера «Вильгельм Телль», «Заговор Фиеско в Генуе» и «Разбойники», роман Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В поэме Нурдина Музаева, как и в этих произведениях, изображены мужество и сплоченность народа в борьбе за свои права, примеры его подлинного героизма.

В романтической по преимуществу художественной ткани поэмы автор в необходимых случаях создает и жестко-реалистичные картины брани, разгрома мирных селений: «А здесь гром, скрежет и стук головок, падавших с крыш, // Хруст костей и подобно арыку текущая кровь...» [8, с. 87]. С использованием реалистических деталей автор сочетает и такие скорее фольклорные приемы, как гиперболизация.

Главный герой произведения, чье имя дало название всей поэме «Сурхо, сын Ады», появляется в ней не сразу. Этому предшествуют развернутая экспозиция, затем – развитие действия, посвященного «предыстории», то есть родословным историческим истокам и корням юного героя, его ближайшим старшим родственникам, благодаря высоким идеалам и нравственным качествам которых он и сформировался в настоящего доблестного рыцаря своего народа, истинного защитника его интересов.

Необходимо отметить, что эта поэма, глубоко затрагивающая вопросы социальной и политической проблематики, не перегружена чрезмерной идеологизацией. Акценты в поэме перемещены на общечеловеческие ценности, вечные и вневременные конфликты и противопоставления: добра и зла, чести и алчности, свободы и произвола. Эта проблематика, как уже отмечалось выше, у Нурдина Музаева всегда имеет определенный кросскультурный контекст, поскольку в данном случае непременно вызывает ассоциации и с европейской традицией «восточных» повестей/поэм Дж. Байрона, и с русской традицией «южных» поэм А. С. Пушкина.

Правда, система ценностей юного героя поэмы Н. Музаева свободна от таких признаков традиционных «романтических» героев, как их крайний индивидуализм. Сурхо оказывается носителем традиционной народной этики и культуры, что свидетельствует о таких чертах его личности, как гуманизм, скромность, умение сострадать, разделять чужие тяготы и беды: «Его окружили худые фигурки детей-сирот. // Стоная, вдовы его обступили кругом. // Слеза за слезою из глаз соколиных Сурхо течет, // И каждая щеки его обжигает, словно огнем» [Там же, с. 45].

Очевидно, что этот тип национального народного характера формировался автором на основе этнической системы ценностей «Нохчалла» и традиций чеченского героического эпоса, и при этом ему свойственны черты общечеловеческих ценностей. Интересно и то, что в гуманистической концепции Нурдина Музаева не последнюю роль играет концепция детства. Именно ребенок наиболее живо и остро ощущает все коллизии и потрясения мира. Нурдин Музаев искусно воспроизводит ритмику взволнованных детских слов: «Детишки к нему приставали, кричали наперебой: // Ранен наш Ада! // – От ран он лежит чуть живой! // – Все мы сироты... // – Что делать нам? // – В ком тут участие найдешь?» [Там же, с. 44].

Сам только что став взрослым, Сурхо в ситуации всенародных испытаний вынужден стать старшим, ответственным за судьбу малых детей своего рода. У него стремительно формируются признаки зрелости, пробуждается чувство ответственности и сочувствия к младшим. Автор фиксирует внимание читателя на уже отмеченном парадоксе, когда малых детей объединяет, берет под свою опеку совсем еще юный герой: «Сын Ады, Сурхо, замолчал, верно, все иссякли слова. // Много ль детям сказать в утешенье может дитя?... // Каждый героя в себе ощутил, молодца. // И большую мезью горели маленькие сердца» [Там же, с. 45]. Далее в поэме впервые появляется прямое и открытое выражение авторской позиции, философское размышление о времени и его многозначной роли в судьбе отдельной личности и всего этноса: «Время! Отдельной душе и народам целительно ты! // Позабить невозможно того, что случилось в те дни. // Но и глупо кою рана рубцуешь, коль длительно ты» [Там же, с. 89].

Доминирующая в первой половине поэмы проблематика народно-героического плана во второй части видоизменяется главным образом в сторону усиления нравственно-психологического, любовно-лирического и приключенческого начал. При этом оба раздела поэмы (каждый по-своему) имеют общность героико-романтического порядка, сочетания эпичности повествования с лиризмом его освещения. Общим для обеих

частей поэмы остается и мотив свободы, как общей для всего народа, так и отдельной – человеческой личности. Структура поэмы углубляется и лирико-философскими отступлениями, несущими глубокие содержательные и эмоционально-экспрессивные функции. Все эти признаки делают произведение Н. Музаева существенным этапом в развитии лиро-эпического жанра в истории чеченской литературы XX века.

В результате проведенного исследования автор работы пришел к следующим **выводам**:

– биография Нурдина Музаева, история его личности и творчества, основные векторы его разносторонней деятельности стали основами его авторской позиции, литературно-эстетической концепции, системы поэтического мировидения писателя, нашедших реализацию в основных содержательных и структурных параметрах его лиро-эпической поэзии;

– результаты анализа специфики типологии, поэтики, жанра и проблематики поэмы Н. Музаева «Сурхо, сын Ады» свидетельствуют о глубокой укорененности идей и методов его творчества в традициях национальной ментальности и народной культуры;

– выявление динамики развития сюжета, конфликта, системы образов и структуры поэмы Н. Музаева «Сурхо, сын Ады», наличия в ней литературных и фольклорных интертекстуальных связей продемонстрировало существенное расширение смыслового и образного диапазона жанра чеченской поэмы в контексте интертекстуальных кросскультурных связей и влияний;

– комплексное исследование текста поэмы Н. Музаева в единстве его информационно-содержательных и изобразительно-выразительных компонентов позволило установить значительное место произведения в эволюции жанра поэмы в чеченской литературе, в разработке поэтом категорий художественного конфликта и характера.

Список источников

1. **Айдаев Ю. А.** От эпической песни до эпопеи: сб. лит.-критич. ст. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975. 93 с.
2. **Ахмадов Я. З.** Исторические реалии в героических песнях или // Поэтика чеченских героических песен или. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983. С. 32-48.
3. **Джамбеков О. А.** История записи и публикаций чеченских народных лирических песен в XIX-XX вв. / на чеч. яз. // Проблемы чеченской филологии. Грозный, 1999. № 1. С. 22-28.
4. **Кусаев А. Д.** Писатели Чечни: био-библиографические очерки: в 2-х кн. / Ин-т гуманитарных исследований. Грозный: Кн. изд-во, 2009. Кн. 2. 540 с.
5. **Мальсагов А. У., Туркаев Х. В.** Писатели советской Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1969. 148 с.
6. **Минкайлов Э. С.** Слово о чеченской поэзии // Антология поэзии народов Северного Кавказа: в 5-ти т. Пятигорск, 2003. Т. 1. Ч. 1. С. 1080-1084.
7. **Музаев Н. Д.** Взаимосвязи литератур Северного Кавказа в процессе становления жанров. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1974. 234 с.
8. **Музаев Н. Д.** Горячие сердца: стихотворения и поэмы. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 189 с.
9. **Музаев, Нурдин Джамалдинович** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Музаев,_Нурдин_Джамалдинович (дата обращения: 13.03.2020).
10. **Мунаев И. Б.** О чеченском песенном фольклоре: предисл. // Чеченская народная поэзия в записях XIX-XX вв. Илли, узамы. М.: Новый ключ, 2005.
11. **Хазуева Б. А.** Характеристика формирования мировоззрения и творческой индивидуальности поэтов Шайхи Арсанукаева и Шаида Рашидова // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказа: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Грозный, 15-17 ноября 2018 г.). Грозный, 2018. С. 132-136.
12. **Чентиева М. Д.** Поэтическое творчество Н. Музаева // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1959. Т. 1. Вып. 3. Литература. С. 120-135.

Role of Problematics and Artistic Principles of Nurdin Muzaev's Poem "Surkho, the Son of Ada" in Evolution of the Lyric-Epic Genre in the Chechen Literature

Dauletukaeva Kamila Dundovna
Chechen State Pedagogical University, Grozny
kamila.dauletukaeva@mail.ru

The article aims to analyze problematics, structure and poetics of Nurdin Muzaev's lyric-epic creative work by the material of his poem "Surkho, the Son of Ada" and to identify the place of this poetical text in evolution of the lyric-epic genre in the Chechen literature of the XX century. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time considers specificity of folkloric and literary intertextuality of the mentioned poetical work taking into account its storyline and compositional arrangement, system of images, mytho-poetical representation of ethno-mental consciousness. The paper reveals specificity of conflicts and the characters' images, notes dynamism of the story development, the author's mastery in creating artistic details and images, the system of figurative-expressive means. Influence of the poem's lyrical component on its content, poetics and structure is identified.

Key words and phrases: lyrics; epos; dramaturgy; allusions and reminiscences; intertext; lyrical subtext; Chechen medieval folk epos; poem; genre evolution; N. Muzaev.